

Блейк вздохнула, снова убирая в ножны Гэмбол Шрауд и наблюдая за тем, как два других первокурсника прожигают взглядом её кошачьи уши, а затем молча уходят к храму. Хотя она уже давно примирилась со своим происхождением и как бытие фавном влияет на её качества, как Охотницы, ей все равно периодически приходилось иметь дело с невежественными и незрелыми идиотами, у которых было другое мнение.

Какая-то извращённая часть её сознания, подозрительно напоминающая ей об Адаме, задалась вопросом, сколько таких студентов погибло во время Падения Бикона, но она силой подавила эту мысль. К сожалению, расизм не делает человека автоматически менее компетентным бойцом... просто те, кто был менее опытен и отчаянно пытался ухватиться за любое превосходство, использовали расизм как самое надёжное средство защиты. Такие люди, как Кардин и остальные члены его команды.

«Да и пошли эти придурки к Гримм, серьёзно. Они просто стереотипные хулиганы, вплоть до чрезмерного обилия тестостерона и причёсок».

Более молодая Блейк могла бы подумать, что Озпин просто совсем отчаялся и готов принимать в Бикон буквально любого, даже самого законченного расиста, но теперь Блейк понимала. Нравится ей это или нет, но мир был опасным местом, и Озпин нуждался абсолютно всех, кто был способен сражаться и кого можно было бросить против полчищ Гримм. Отказ от кандидатуры в Охотники приводил к обиде, что приводило к моральной распушенности Охотника, и создавало новых врагов... если он примет таких студентов, то, по крайней мере, сможет хотя бы попытаться устранить их недостатки во время обучения.

В этом был весь Озпин. Оптимистичный, но в то же время прагматичный. Он брал всех, кого мог, и пытался сделать их лучше, потому что, если он предоставит их самим себе, то ими воспользуется кто-то другой, и под «кем-то другим» она имеет в виду Салем и преступников. Прах и снаряжение стоили дорого, и тебе нужно было откуда-то брать деньги, если ты захотел стать Охотником. Если школа тебя не приняла, то ты мог браться за рискованные одиночные задания, чтобы набраться опыта и сдать экзамен на получение лицензии... или же, ты мог пойти в криминал. Можно ещё помогать людям и в обход закона, но за это не платят, а Робин и Белому Клыку удавалось держаться на плаву только благодаря связям... а так же налётам на караваны Шни.

Поэтому, если Озпин хотел сохранить контроль над как можно большей частью способного сражаться поколения, ему приходилось принимать в академии всех, кого только можно... даже таких, как Жон, которые попадали туда нелегально. Не в обиду Жону, но она не понаслышке знала о том, как устроена служба безопасности королевства, и вероятность того, что Жон, будучи первокурсником, каким-то образом смог получить на руки поддельные документы, которые окажутся достаточно достоверными, чтобы обмануть систему проверки Бикона... была ничтожно мала. Даже не так. Она была околонулевой.

Верно, Озпин точно знал, что Жон не был тем, за которого себя выдавал, и все равно принял его, так же как и знал, что она – бывший член Белого Клыка, и все равно принял её. По логике Озпина - любой, кто умеет сражаться, достоин обучения, и даже если Жон окажется таким ничтожным, каким казался вначале, история его семьи и тот факт, что ему хватило смелости солгать руководству Бикона, доказывали, что у него есть потенциал. Таким образом, даже если бы Жон подписал свои документы цветными мелками, его, скорее всего, все равно бы приняли, лишь бы пришёл на инициацию и не являлся пешкой Салем.

Глаз Блейк дёрнулся, когда она скрылась в лесу. Учитывая тот факт, что Синдер и её «команда» ошивались в округе ещё до фестиваля, а возможно даже и раньше...

Она, как и остальные, понимала, что этот жест с тем, чтобы остаться и охранять храм, скорее всего, бессмыслен. Во время первой инициации не было никаких смертельных или просто травмирующих несчастных случаев, но теперь всё изменилось, и существовала вероятность, что они могут произойти. Команда RWBY (и Жон) ощущали гораздо больше негатива, чем в первый раз, а значит, они могли привлечь более сильных Гримм. Невермор и Ловчий Смерти, с которыми они столкнулись в первый раз, могут и не придти, ведь, как помнила Блейк, это Жон и Пирра привели к ним Ловчего Смерти, а Руби и Вайсс - Невермора. На этот раз они знали, куда идти, чтобы избежать лишних проблем (за исключением Пирры), поэтому оба чудовища остались позади.

Это означало, что другим студентам может не повезти, и они навлекут на себя их гнев.

Блейк не стала протестовать против решения остаться... они все равно не получают никаких штрафов за то, что придут последними. Решение остаться и проследить за тем, чтобы все студенты вернулись в школу в целости и сохранности, наверняка заслужит множество похвальных комментариев от учителей, ведь они вели себя как образцовые Охотники.

Её мозг продолжал гудеть, даже когда она прыгала по деревьям, внимательно прислушиваясь к приближающимся студентам и отправляя к ним Янг в случае, если они приводили за собой Гримм. Как они собираются всё исправить? Что они должны делать для этого? И, если уж на то пошло, что вообще считается за «исправление»? Блейк не хотелось списывать со счетов мир, из которого они пришли... мир, где Нора, Рен и Оскар (ну и, наверное, Эмеральд, хотя тут спорно) остались одни по ту сторону портала в Вакуо, с отчаянием слушая слова Девы Зимы, которая больше не являлась Пенни. Она не хотела думать о своих родителях, которые слышали, как она подсказывала Руби в той роковой передаче, не хотела думать об их ужасе и отчаянии, когда они бросились в бой, в котором она не приняла участие. Они всегда боялись, что нечто подобное произойдёт, когда она была в Белом Клыкe под командованием Адама, что они узнают, что она просто бесславно умерла, и если они когда-нибудь доберутся до Вакуо... их худший кошмар станет явью.

Боги, Кроу всё ещё был в Атласе. Знает ли он, что случилось с Руби и Янг? А жив ли он сам?

Блейк не хотела думать о мире, который они потеряли, о мире, в котором Пенни снова умерла, о мире, в котором пал Бикон, а Атлас разбился... но пока в том мире оставалась хоть одна живая душа, она знала, что вернуться обратно и продолжить сражаться это её обязанность. Они не могли позволить себе блаженное неведение: в мире, который они покинули, были люди, нуждавшиеся в них, и Блейк без раздумий оставила бы этот слащавый мир, где всё снова хорошо, если бы это означало спасти их, даже если ей и остальным придётся вернуться в реальность, где они потеряли столько близких.

Приходящих к ним студентов не то чтобы было особо много, но с каждым часом их становилось ещё меньше. Блейк долго ждала, надеясь услышать хотя бы малейший шорох, и её уши сразу встали торчком, когда она услышала долгий, звонкий свист. Она уже слышала этот свист однажды, когда Жон показывал трюк, которому научился в семейном походе в Мистрале. Он разносился на большие расстояния и не был похож на звук птиц, поэтому идеально подходил для поисково-спасательных работ и дальней связи в дикой местности.

— Я проверю, — крикнула ей Янг и побежала прочь. По спине Блейк пробежали мурашки, когда напарница оставила её одну, и она подавила в себе желание заёрзать, прижаться к стволу дерева, на котором сидела, и спрятаться в укромном месте. Охотники не зря работали в командах и с напарниками, Блейк было неприятно оставаться одной, без защиты. Без напарника ей никто не мог помочь в бою, не мог отвлечь внимание противника, она не

представляла той угрозы, которой они являлись вместе.

Она через силу отстранилась от этого ощущения, почти кожей чувствуя, как из глубины души поднимается ощущение зависимости, которое в ней так старательно возвращал Адам. Она что, ребёнок? Она была Блейк Белладонной, фавном, Охотницей, выпускницей Бикона и дочерью Кали и Гиры. То, что она разделилась с напарницей, было тактической уязвимостью, но Блейк была не в пример смертоноснее всех остальных студентов. Разве они не противостояли этой паршивой Гончей? Разве ей не приходилось балансировать, держа в одной руке тысячи жизней жителей Атласа, а другой отбиваться от безумных планов Айронвуда и нависшей угрозы Салем одновременно?

Беовульф, Урсы, Барбатаски. Тск. Она могла перебить их с закрытыми глазами, в одиночку, за считанные секунды. На то, чтобы в одиночку расправиться с гигантским Ловчим Смерти, у неё уйдет несколько минут.

Перед каждым боем Блейк испытывала секундное колебание... мимолётный момент, когда она задумывалась: «Достаточно ли я хороша? А может, он был прав?»... но потом она заставляла себя преодолеть это чувство и продолжала идти вперёд. С каждым разом становилось всё легче, с каждой победой этот голос звучал все тише. Она не была слабой, не была беспомощной, не была обузой. Другие делали её сильнее, но она была достаточно сильна и сама по себе.

Янг прибежала обратно.

— Все шахматные фигуры разобрали, — сказала она, и Блейк спрыгнула с дерева. — Жон и Руби считают, что нам пора сворачивать лавочку.

— Полагаю, мы, как те, кто находится от скалы дальше всех, сначала подождём, пока все остальные не соберутся? — спросила она, переводя Гэмбол Шрауд в пистолетную форму, на что Янг усмехнулась.

— Точно, напарница.

Они расположились рядом друг с другом: Блейк - лицом к лесу, а Янг - оглядываясь через плечо, чтобы следить, как собираются остальные. Прошло не больше минуты, прежде чем Блейк почувствовала перемену в поведении Янг... на мгновение её дыхание изменилось, лёгкий выдох, напряжение мышц... и без лишних слов они начали идти, Янг оглядываясь по сторонам, а Блейк следила за движением группы. Блейк чувствовала беспокойство, понимая, что для первокурсников всё это выглядит слишком профессионально... но она не собиралась жертвовать прикрытием в ущерб элементарной безопасности. Если Салем каким-то образом узнает, кто и что они, с этим можно будет справиться. Они уже однажды сорвали её планы, и могут сделать это снова.

Они не могут позволить себе умереть снова, просто из-за того, что ослабили бдительность, и Неополитан незаметно подкралась к ним с занесённым клинком.